

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Иман Кальби
ОДЕРЖИМЫЕ НАСЛЕДНИКИ
Аравийская жемчужина

Иман Кальби
Одержимые
наследники. Аравийская
жемчужина. Книга 2
Серия «Одержимые
наследники», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66436518

SelfPub; 2021

Аннотация

Продолжение волнующей истории о любви, страсти и ненависти молодых, красивых и богатых представителей золотой молодежи современного арабского Востока. Неразделенные чувства, старые обиды и интриги, одержимая страсть и большая, готовая выдержать все испытания любовь... #ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО #ВОСТОК

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Иман Кальби Одержимые наследники. Аравийская жемчужина. Книга 2

Глава 1

Анвар

Голова жутко гудела, в глазах двоилось, тело ломало, словно по нему проехался танк... Анвар всегда считал себя физически сильным, как бык... Мог пить алкоголь литрами, не спать сутками напролет, перемещаясь с одной тусовки на другую, но прошедшая ночь ударила по нему, словно гигантский молот, расплющив по земле, на которой он сейчас, еле шевелясь, ползал, пытаясь прийти в себя и понять, где он находится.

Разлепил на силу глаза, увидев, что лежит на пропахшем бараниной красном грубом ковре, какими застилают пол и стены в бедуинских палатках, а потом с нескрываемым удивлением, крутя головой по сторонам, понял, что он и вправду находится в бедуинской палатке... Почувствовал на голой спине сзади чье— то дыхание, чья— то рука опустилась на его

голый торс. Резко развернулся и выругался вслух от увиденного.

– Ах шармута (араб. – мат), это что за хара (араб. – дерьмо)? – даже не поверил своим глазам, потер их руками.

Не помогло. Перед ним лежала старшая дочь Васеля Увейдата. Совершенно голая... И пока его мозг начал панически собирать по осколкам воспоминания вчерашнего вечера и ночи, жгучая волна стыда, раскаяния и сожаления прокатилась по его телу...

Отстранился от нее, поспешно накрыл ее тело какой-то рубашкой, взятой с пола, пока не понял, его она или ее... Зато было понятно другое – она явно вчера была сорвана в порыве страсти или кайфа, или чего – то там еще, что затопило сознание из-за этой проклятой дури, которую они сожрали... Мадлен беспокойно повернулась во сне, снова оголив свои сочные груди, а Анвар стыдливо отвернулся, словно пытаясь скрыть от самого себя прямое доказательство их близости – ее идеальное голое смуглое тело...

– Хара (араб. – дерьмо), – в очередной раз за несколько минут выругался, проведя рукой по растрепанным волосам и снова испытав острый укол головной боли то ли от похмелья, то ли от токсического отравления... Как он мог так вляпаться, как мог так облажаться...

Память безжалостно начала подкидывать ему кадры из прошедшей ночи... Они в машине... Она на нем и по-моему это он сам, инициативно ее на себя затащил... Они на ка-

кой— то сумасшедшей вечеринке, под открытым небом, среди пустыни, басы бьют по вискам, они смеются, как одержимые и пьют какое— то пойло прямо из горла и из одной бутылки... Потом опять провал... Гул в ушах... Жмурится, стонет обреченно... Снова всплывающие картинки— они в палатке... он в ней, на ней, под ней... Грязно, надсадно, пошло... Вот только в голове почему— то не Мадлен, в голове ее младшая сестра... Да, сомнений не было, он отчетливо помнил, как как видел на ее месте желанную красавицу Амаль с нежной улыбкой, трогал ее волосы и вдыхал их аромат, как шептал с упоением «Аммули», погружаясь в узкое тепло своей вчерашней партнерши по преступлению, ... Да, именно преступлению... Другим словом это совокупление было не называть...

Услышал шевеление на их импровизированном ложе. Перевел взгляд на голую девушку, только распахнувшую глаза...

— О боже, как голова раскалывается,— прошипела хриплым голосом девушка, которая, однако, как казалось, была совершенно удивлена присутствию Анвара рядом...— посмотри, в палатке нет воды?

Мужчина увидел на небольшом инкрустированном столике в углу пластиковую бутылку, быстро схватил ее и кинул Мадлен.

— Прикройся...— сказал он сухо, в очередной раз отводя глаза.

Мадлен подняла на него многозначительный и слегка насмешливый взгляд.

– Ты что– то там не видел?– спросила высокомерно, нагло встав и подойдя в чем мать родила к нему вплотную, – ну как?

– Ну как что?– спрашивает сипло в отчет... Все еще отводит глаза...

– Понравилось?– улыбается порочно...– не получилось с одной дочкой Васеля, отымел другую?

– Заткнись, Мадлен... Все это ошибка... Я сожалею...– выдает грубо, закрываясь психологически, отходя в другой конец палатки в поисках обуви и прочих раскиданных вещей...

– Ошибка...– повторяет она задумчиво...– а ты, оказывается, у нас заправский двоечник... Ошибка за ошибкой... Сколько их было за ночь, этих ошибок... А? Пять–шесть??? – в ее голосе неизбежно слышится обида... Какой бы ни была циничной женщина, ей всегда больно увидеть после ночи секса разочарование в глазах мужчины...

– А ты, я смотрю, была в прекрасной памяти, когда запрыгивала на меня...– отвечает злобно Анвар.

– Запрыгивала на тебя?– поднимает бровь Мадлен, всего секунду на ее лице можно отчетливо прочесть смятение, скрытую боль, но они тут же прячутся куда– то глубоко внутрь, оставляя на поверхности только грубость,. Встряхивает шикарнейшей кудрявой непослушной копной волос,– то

есть это я тебя поимела, оказывается? А ничего, что это ты накинулся на меня еще в машине, посреди дороги...

— Я был в неадеквате, Мадлен,— отвечает, поднимая на нее холодный, жесткий, безжалостный взгляд,— я думал, что на твоём месте Амаль, прости...— думает, ругается вслух, снова проводит руками по волосам нервно,— идиот, это ж надо, так вляпаться... А ты, я смотрю, бывалая... Часто так развлекаешься втихаря от отца?— криво усмехается... Но в этой усмешке нет ни капли превосходства, скорее печальная обреченность... Анвар Диб капитально облажался...

— А тебе —то что?— хамит ему в ответ,— испугался, что невинности меня лишил и придется отвечать?

Хмыкает знающе в ответ...

— Иногда мне кажется, Маду, что ты уже родилась порочной...— его губы подергивает кривая улыбка,— так что не заливай тут про невинность... Я искренне удивлен, как тебе пока удастся скрывать свои похождения от Васея и Микаэла,— разводит руками, показывая на окружающий их антураж. За время их эмоциональной беседы Анвар успел отодвинуть полог шатра и выглянуть наружу— таких палаток на пустынном пространстве были десятки... Вокруг валялись пустые бутылки, обертки от презервативов, сигаретные окурки. Он бы не удивился, если бы увидел в каждой из палаток следы страстных оргий... Для таких вещей этот молодняк и собирался в усмерть обдолбанным в пустыне — отключить свои мозги и все моральные принципы, которые так

сильно навязывало им удушающее их натуру восточное общество, оторваться и вдохнуть воздух мнимой свободы, чтобы потом опять заковать себя цепями по рукам и ногам и вернуться к действительности...

Маду лишь усмехается... Васель, Микаэл... А когда им до нее было дело? Парадоксально, но она— то особо ничего и не скрывала... да, была закрытой и немногословной, не посвящала никого в свои планы и приключения, разве что Амаль в последнее время, как они стали вместе жить... На репутацию Мадлен всем словно было наплевать... Это за малышку Аммули Увейдаты бились, как ястребы. А она... Она всегда была изгоем в семье... Вроде бы и Васеля дочь, и в то же время, на нее всегда смотрели, как на бракованный товар... Дитя разведенки, которая еще и с собой покончила... Хороша биография... Впрочем, да ну ладно... Ей давно было на все это наплевать...

Ей вообще на большую часть окружающих ее людей и событий было наплевать... Только Он заставлял предательски биться сердце, хоть она и понимала— Анвар точно не вариант, точно не заслуживает ее бессонных ночей... Сегодняшняя ночь... Она мечтала о ней и, в то же время, совсем не удивилась, что в конечном итоге все закончилось именно так, как всегда в ее жизни... Сожаление Анвара после, мысли о ее сестре, а не о ней во время... Боль, унижение, отчужденность... Еле сдерживала слезы... Нет, она не даст ему увидеть свою боль... Увидеть свою слабость...

– Мадлен, нам надо возвращаться в город... Поехали быстрее,– натягивает на себя одежду, не смотрит на нее...

– Мне и так хорошо... Никуда не спешу... Никто не ждет.– бурчит, отворачиваясь...

Он еле слышно рукается про себя и машет головой...

– Я не брошу тебя в этом притоне одну... Поехали немедленно, или я тебя за волосы потащу в Дамаск...

Она злится на себя, но нехотя встает и тоже одевается... Сама не хочет сейчас встретиться с кем– то из соучастников по ночному сумасшествию... С наступлением дня всегда накрывал стыд... Ненавидела это чувство...

Они покидают сумасшедший лагерь, пока все еще спят после бурной ночи. Едут в звенящей и тяжелой тишине... В голове каша, на душе– вообще месиво... Въезжают в сонный город все в такой же тишине.

– Останови тут, возьму такси. Не хочу, чтобы нас кто– то увидел вместе в центре.– сухо выдавливает Анвар, нарушив молчание за всю дорогу первый раз.

Мадлен молча кивает... Ей теперь и самой хочется забыть обо всем произошедшем... Быстрее бы он скрылся из виду... Быстрее бы вышел из машины, чтобы можно была открыть все четыре окна на полном ходу и вытравить его запах... Теперь такой знакомый, такой вьевшийся под кожу... Она хотела бы его забыть, но запомнит навсегда... Каждое движение будет помнить, каждый его вдох... Она ведь лукавила, не

ела она никаких таблеток вчера... Для нее, в отличие от него, все было реальным, настоящим... И оргазм впервые реальный, настоящий... Впервые она уносилась в небеса с широко открытыми глазами, смотря на того, кого любит, кого всегда в этот момент представляла, занимаясь сексом с другим...

Анвар решительно распахивает дверь. Поворачивается к ней лицом, наконец, смотрит в глаза...

– Забудем обо всем, Маду...– в каком– то странном задумчивом порыве тянет руку к ее лицу, проводит костяшками пальцев по щеке,– пусть это будет, самой страшной ошибкой в нашей жизни... Я... я испытываю глубокие чувства к Амаль и... не хотел бы, чтобы вот это секундное помешательство из– за моей злости и ревности к ней и долбанной наркоты сломало то, что еще даже построено– то толком не было... И тебе все эти воспоминания на фиг не нужны... Мой тебе совет, прекращай... Я, кто– то другой на моем месте– ты достойна большего, чем вот такого вот разложения своей личности на вечеринках непонятного толка... Знай себе цену... Ты ведь дочь Увейдата, ты красавица...

Выходит, хлопая дверью и тут же уезжая на пойманном такси... Дамаск ведь все еще в книге рекордов Гиннеса по количеству такси на душу населения... А она дает, наконец, волю чувствам... Сначала просто всхлипывает, а потом рыдания накрывают ее, как цунами...

Глава 2

Микаэл

Настоящая русская зима... Ей так не хватало этого, и в то же время, сейчас все это казалось таким странным, таким непривычным... Он казался здесь непривычным... Словно попавшим из другой сказки, другой истории... Ему было очень холодно, безумно холодно... Тяжело привыкнуть к такому холоду, когда вся твоя жизнь прошла на жарком Ближнем Востоке... Оксана смотрела на его покрасневший от мороза нос, то и дело сбивающееся от пробивающей насквозь стужи дыхания... И невольно хотелось смеяться... Впервые в жизни Микаэл казался растерянным, беспомощным, вырванным из привычной среды... И только эти морозные глаза словно принадлежали к этому царству льда и холода... Снежный король... Такой холодный снаружи... Такой горячий внутри...

Мужчина стоял на крыльце покосившейся от возраста бани и затягивался очередной сигаретой... В эти дни он курил больше, чем обычно... Сам себе боялся в этом признать, но происходящее вокруг выбивало его из колеи, путало карты... Если бы сама ситуация могла сесть напротив него и сыграть с ним в покер, он бы впервые в жизни мог почувствовать себя неуверенно... Слишком сильный противник, опытный...

Да, в Сирии бывала зима, даже снег иногда выпадал... Чтобы тут же растаять... Он помнил это чувство беззаботной эйфории в детстве, когда они уезжали в один из своих охотничьих домов в горную деревню Забадани под Дамаском, где можно было продлить снежную сказку еще хотя бы на денек – второй, так как там было немного холоднее и снежная красота держалась чуть дольше, чем в столице... Насладившись экзотической красотой и перед возвращением обратно, обязательно неумело лепили кривую снежную бабу на капоте автомобиля, гордо, словно на трофее, возвращаясь в Дамаск, подобно тому, как древние завоеватели завозили в этот пятитысячелетний город богатую добычу... Вот только не проходило и двадцати минут, как черты снежного изваяния на металле автомобиля кривились и деформировались от разницы температур и к дому они уже подъезжали с грязного цвета кучей, хоть и все равно неизменно гордые собой... Он обожал эту пору, когда вся семья была в сборе, настроение у всех было беспричинно веселым и праздничным, и даже отец, казалось, немного оттаивал, расслаблялся... Снег на Ближнем Востоке – настоящее стихийное бедствие, полностью парализующее жизнь любого города... Так что никаких самолетов, постоянных разъездов и интенсивных встреч... Этот снежный день единственным был способен заставить великого Увейдата остаться дома и стать обычным человеком... Хотя нет. Иногда на это была способна мать Микаэла...

Здесь, в России, все было иначе... Здесь зима не нежно гладила тебя по головке, даря праздник. Здесь она была под дых— холодом, беспощадностью и красотой... Как же это было красиво — смотреть на бескрайнюю снежную гладь полей, любоваться пушистыми белыми шапками раскидистых елок или сверкающими одеяниями веток деревьев, обтянутых узорчатой колючей наморозью, словно шелком... Сказочно, удивительно... И он неизбежно чувствовал связь с этой землей... В его жилах ведь тоже текла кровь этого удивительного, смелого, жесткого и одновременно великодушного народа... Русского народа...

Смотрит на укутанную в фуфайфку приближающуюся фигурку с кувшином в руках, от каждого шага которой слышится ни с чем не сравнимый хруст девственного снега... Сердце пропускает несколько ударов... Она подходит, поднимает на него глаза... Щеки красные, губы еще краснее, приоткрыты, выпускают пар... На стройных ножках огромные валенки, поверх тоненького скромного платица бесформенная фуфайка... На голове паутинка из оренбургского платка, прикрывающая непослушные рыжие волосы...

— Привет... Принесла тебе парного молока... Мама просила передать к ужину...— опускает глаза... Откуда это стеснение? Оно умиляет его и в то же время... в то же время бьет по всему телу таким токовым разрядом возбуждения, что он сейчас впадет в кому... Резко затаскивает ее внутрь, в тепло маленькой баньки, мимолетом бросая взгляд на окно дома...

Никого нет. Мать не видит, это хорошо...

Прижимает страстно к себе, скидывает фуфайку, чтобы тут же нащупать ее полную грудь сквозь тонкую ткань ситцевого халатика... Никакого лифчика... Он и не сомневался...

– Соскучилась пиздец, бабочка...– шепчет жарко, трется щетиной о нежную холодную с морозца кожу... Зато тепло теплое... Такое теплое... Ныряет под юбку, приподнимает ткань, нащупав белые хлопковые трусики... Его опять подбрасывает, как на раскаленной сковородке, от возбуждения... Есть в ее нелепом облике что– то невинное и порочное одновременно... Намного сильнее штырит, чем все эти блядские стринги с кружевами... Здесь, в этой удивительной среде, поражающей своей бедностью, искренностью и самодостаточной гордостью, самая желанная на свете женщина должна выглядеть именно так...

– Хочу тебя, Оксана... Пар сейчас из ушей повалит, как же хочу...– сажает ее на стол, заставляет откинуться назад, разводит ноги, а она сопротивляется, брыкается...

– Мика, нет... Подожди... Неудобно... Я на пять минут... Молока принести... Мама не спит... Поймет, что что– то не так...

Он усмехается в ответ...

– Думаешь, мама думает, ты со мной даже не целуешься?

Смотрит на него своими огромными изумрудами. Видно, серьезная... Ей это важно... Раз важно, значит попридержит своих коней...

– Потерпи немного, Мика... Стыдно мне так, не могу... У мамы на глазах... Не так она нас воспитывала с Мариной... Завтра сестру из больницы заберем обратно домой, переедем в гостиницу с тобой... И там...– снова глаза опускает, снова этот румянец невинный щеки заливает... Боже, и что с ней происходит... Только за эти ее изменения стоило ее сюда привести... Сам сейчас понимает, что именно такой хотел всегда видеть Оксану... Не наглой искушенной обольстительницей на сцене, а вот такой дико красивой, стеснительной, неопытной девочкой... Словно с нее слезли все эти защитные панцири, краска смылась, оголив ее суть, ее настоящую... Ту, кто смотрела на него восторженно там, на кедрах, ту, кто искренне прижималась к его груди, рыдая от переживаний за сестру...

Трясется всем телом... Он всегда ее хотел не по-человечески, всегда через край, но эти дни... Что-то происходило с ним необъяснимое... Непонятное... Она влекла его так сильно, что дышать было тяжело, грудь спирало от эмоций... И он знал определение этому чувству... Его дал давно его любимый Джибран Халиль Джибран... Это та самая «боль чрезмерной нежности...– Быть раненным собственным пониманием любви»...

Задирает ей платье почти до шеи, спускается губами по нежной теплой коже, выбивая ее всхлипы. Накрывает губами ее лоно, не просто пьет, пожирает... Оксана выгибается, протяжно стонет, закусывая зубами свою руку... Вертит го-

ловой, разбрасывая по поверхности стола рыжие непослушные волосы, а он невольно то и дело поднимает на нее глаза, хочет видеть ее всю, не может оторваться от этой красоты...

Девушка уже не помнит себя от его смелых, подчиняющих действий, ее тело трясется, запускает руки в его непослушные волосы...

– Мика... Боже... Как хорошо... Еще... Еще... пожалуйста...

Кажется, еще чуть– чуть– и она улетит, расщепится на миллионы атомов...

И тут вместо его горячих губ чувствует прохладу воздуха... Пустоту... Он отстраняется, выпрямляется, смотрит на нее хищно, продолжая тяжело дышать и в то же время искусственно улыбаясь...

– Микаа... пожалуйста,– молит она, желая продолжения его ласок, тянет к нему руки, еще шире призывно разводит ноги...

Он теперь скалится, открывая свои идеальные зубы.

– Нет, бабочка... Потерпишь до завтра... Только мне что ли мучиться... – вытаскивает из треников вздыбленный член. Проводит по нему ритмично пару раз с шипением,– и только попробуй трогать себя сама ночью сегодня... Пойму, поверь мне... Тогда неделями оргазма не получишь, в ногах у меня будешь валяться, умолять...

Она порывисто дышит... Микаэл смотрит на это идеальное тело, распластанное перед ним, зажмуриться хочется,

как она прекрасна... Ведьма, северная ведьма, на которую даже смотреть больно, так красива, так желанна... Или это он сошел с ума от ее колдовства... От этого сладкого яда ее губ, дыхания, прикосновений, теплоты и узости... Невольно накрывает руками аппетитные холмики, зажимает через тонкую ткань скрюченные узелками от возбуждения соски... Отрывает себя от нее клешнями, словно с мясом...

Не проходит и пяти минут, как Микаэл сам любовно натягивает на ее стройные ножки безразмерные валенки, одевает грубую фуфайку на плечи и накрывает волосы платком, неумело завязывая узел на шее.

Притягивает к себе, нежно, почти целомудренно целует в нос...

– Не застуди крылышки, бабочка... Ты нужна мне здоровая... Слишком много на тебя планов... Завтра отработаешь за все дни моего стояка и воздержания... Ходить не сможешь неделю, я тебе это гарантирую...

А она лишь смеется в ответ... Щеки все еще пылают... Он знает, она горит внутри... Торжествует от этого осознания...

– Так жаль...– деланно надувает губки,– придется тогда тебе лететь без меня... Как же я полечу, если даже встать не смогу...

Снова притягивает к себе, теперь не выдерживая, пожирая губы...

– Не переживай... Я тебя донесу...

Она убегает, получив игривый громкий шлепок по ягодице, звонко, но негромко смеется, чтоб мама не услышала, а получается удивительно по-юному... Микаэл ложится на твердую поверхность лавки, где ему постелили, глубоко вздыхает, пытаясь восстановить самообладание... Перед глазами она... Вспоминает сегодняшний день, в душе снова все переворачивается... Слишком много чувств, слишком много эмоций, нужно все осознать, переварить...

С раннего утра Оксана уехала в областную больницу к сестре. Делала так все три последние дня, как они были здесь... Марину готовили к переводу в Москву, в клинический госпиталь. Там ее ждали лучшие доктора и лучшее оборудование... Микаэл даже вызвал специально для оценки ее состояния какого-то светоча из Германии... Мать не могла поверить в счастье, то и дело щипала себя за руку, думала— это сон... Эти новые врачи говорили какие-то удивительные, обнадеживающие вещи... Что и лечение возможно, что девушка начнет ходить сама, заживет полноценной жизнью...

Про себя Виктория Евгеньевна называла Микаэла добрым ангелом... Она прекрасно понимала, что с этим иностранным загадочным молодым мужчиной, так очаровательно, с едва уловимым акцентом говорящим по-русски, ее дочь связывают отнюдь не платонические отношения... Видела его взгляды на Оксане— горячие, пожирающие... Но его щедрость и доброта... При том не унижающая, не подкупаю-

щая, а искренняя, просто не давали ей осуждающе или плохо подумать о них двоих... Было ясно— Микаэл делал все это не чтобы купить Оксану. Он действительно хотел сделать ей приятное... Хотел решить ее проблемы...

Оксана наотрез отказалась ехать в госпиталь с Микаэлом. Оставила его досыпать на теплой печи в бане, куда его вынужденно поселили за неимением большей жилплощади в основном доме. Он порывался было забрать девушку с собой в гостиницу, но та не согласилась. Сказала, хочет быть рядом с мамой, пока сестры нет... Остался и он... Просто не мог уехать от нее, не мог оторваться, хоть это пребывание рядом и в то же время на расстоянии стало для него и его постоянно возбужденного мужского достоинства тем еще испытанием... Встал, как всегда поздно, спалось здесь хорошо, несмотря на спартанские условия... Встретил мать Оксаны во дворе со свежим хлебом и яйцами.

— Пошли завтракать, Микаэл,— сказала она то ли строго, то ли стеснительно, отводя глаза.

Через пятнадцать минут он уже знал все... И что отца своего обе дочери не помнили, убежал, как только родился ребенок— инвалид... Что все всегда было на материнской шее, а потом Оксана начала помогать... Узнал, что его девочка всегда бредила музыкой и танцами, что будущее ей большое прочили, да только где у простой матери— одиночки с ребенком— инвалидом были возможности в этот талант вкладывать... Узнал про Паука, который домогался до подростковой

красавицы....

Кулаки его сжимались, когда он слушал эту историю...

– Она ведь так туда к вам на Восток попала... Этот упырь ее и в Москве нашел, через соседку Виталинку... Страшный он человек, безбашенный, жестокий... Вот они и придумали этот переезд... Знал бы ты, Микаэл, как мое сердце болело тогда, как отпускать ее не хотела... Я и в Москву – то скрепя сердце, ведь тоже из – за него пришлось убежать... А что уж говорить про другой мир, другую страну... Особенная она, моя Оксанка, не создана для всего этой жестокой реальности... Она же вся воздушная... В мечтах до сих пор витает... Все бредит про какую – то там школу танцев в Париже новомодную... Денег на нее копит... Хоть и не говорит мне, но я знаю... Виталинка растрепала, да и я сама нашла у нее вырезки журнальные... Ох, девочка моя бедная... Красавица... Боялась, что сгорит она там у вас, на Востоке... – на глазах женщины появились слезы, всхлипнула, – а что было делать? Нужда – страшная вещь, Микаэл... Не дай Бог кому из твоих близких познать нужду, особенно когда есть кто – то, кто от тебя зависит... Ради него ты на все пойдешь, себе на глотку наступишь... Вот так и мы с Оксанкой... Ради Марины на все готовы... Хоть я себя и ненавижу за то, что девочке моей приходится все это тянуть на своих плечиках хрупких...

У Микаэла не просто сперло дыхание... Он забыл, как дышать... Перестал... В один момент в легких закончился

воздух, а новый набирать разучился... Он думал об Оксанае, вспоминал их первые недели... Его грубость, насилие, жестокость... Хотелось подойти к стене и со всей силы начать бить себя об нее башкой.. Так, чтоб до сотрясения, до кровавых брызгов... Чтобы эта боль хоть немного перекрыла боль душевную... Ненавидел себя за то, что был так легкомысленно жесток, так циничен, так высокомерен... Он, рожденный в роскоши и достатке, избалованный вниманием и деньгами... Кто он был такой, чтобы выносить приговор маленькой сильной девочке, оказавшейся один на один со стаей поганых, похотливых хищников, готовых в любой момент ее разорвать в клочья... Нестерпимо больно... Неимоверно стыдно...

А еще он понимал, что совсем не знал свою девочку... Не знал о ее мечтах, о ее переживаниях... О страхах ее не знал, да и о радостях не особо... Она не открывалась ему, да и он как-то не особо стремился открывать... Да, пару раз заводил разговор о жизни, но встретив равнодушие или отчужденность, сразу соскакивал с темы, предпочитая переводить их общение в горизонтальную плоскость... А сейчас вдруг захотелось сесть с ней и часами говорить... Чтобы все ему рассказала... С самого начала...

Дверь скрипнула. В сени нырнула Оксана в аккуратном по фигурке черном драповом пальто с пушистым меховым воротником, принесла с собой зимнюю свежесть и пирожные... Они пересеклись глазами... Девушка едва заметно вздрог-

нула... словно почувствовала, словно увидела, что с ним что-то не то... Что изменилось что-то, в том, как смотрел, как дышал прерывисто... Опустила молча глаза на стол. Там детский альбом с их фотографиями... Невольно покраснела...

– Мама тебе уже все скелеты из шкафа повытаскивала?– смущенно сострила.

Микаэл улыбнулся... Нежно, пронзительно...

– Вот сижу и думаю, чем теперь тебя буду шантажировать, фотографией с беззубой улыбкой или с сотнями косичек на голове?

В ответ девушка тоже улыбнулась. Скинула с себя пальто, бережно повесила его на вешалку... И он снова поймал себя на мысли, что даже в этом жесте читалась ее ответственность, ее серьезность и привитая с детства нуждой бережливость. Микаэл относился к своим вещам, как в тряпкам... Швырял, кидал, вечно не помнил, что и где оставил... Оксана была другой... Она теперь всегда будет другой, всегда такой останется, какой роскошью ее ни осыпай... А ему хотелось... Страшно хотелось одарить ее всем тем, что делает счастливыми других женщин... Он хотел сделать свою северную бабочку счастливой... Больше всего на свете теперь хотел...

Глава 3

Амаль

Прошло уже более трех недель, а стоило ей вспомнить о том, что было между ней и Анваром, губы начинали гореть... Тело начинало гореть... Ровно в тех местах, где он трогал... а ведь через одежду, даже не задевая открытую кожу... Амаль не могла понять свои эмоции и чувства... Стыд, смятение, страх, жар... Она стеснялась того, что было... Ей хотелось забыть эти порочные губы, эти наполненные страстью и запретными желаниями темно-зеленые глаза, напоминающие опасную, засасывающую заводь, из которой уже не выбраться живым... Фахд пугал... Пугал именно этими своими метаморфозами... В обычной жизни, на экранах, официальных мероприятиях, торжественных ужинах он был воплощением благородства, сдержанности и воспитанности... От него веяло стабильностью, добром и величием... В тот вечер, в тот момент же, смотря в ее глаза на расстоянии пары сантиметров, опаяя ее своим горячим прерывистым дыханием, перед ней был другой человек... Искушенный и искушающий, обещающий грех и сам его не раз совершивший, способный вознести в небеса и утянуть с собой в преисподнюю...

Фахд был другим, не таким, как Анвар... Анвар заставлял сердце учащенно биться, наполняя его юной радостью, каким-то беспричинным счастьем, он окрылял, дарил эй-

форию, Фахд же это сердце останавливал... Парализовывал, словно самое опасное, ядовитое насекомое, укус которого останавливает работу всего твоего организма и все, что ты можешь сделать— это просто смотреть широко раскрытыми глазами на свою незавидную участь во власти его силы и желания... Он отключал мозг, он заставлял все тело холодеть и покрываться мурашками одновременно...

Снова и снова прокручивала тот вечер в голове... Как только самоконтроль вернулся к ней, сорвалась с места, не оглядываясь, убегая по улицам шумного Парижа, словно она мелкий воришка, скрывающийся от погони... Но, конечно, никакой погони не было... Амаль в тот вечер просидела на кухне их квартиры больше часа, вздрагивая от каждого шороха, доносящегося из подъезда... Почему— то ей казалось, что вот— вот он должен прийти, объяснить... Извиниться... Конечно, Его высочество так и не пришел... Ругая себя, то и дело просматривала его инстаграм— и уже через два дня увидела его в традиционной национальной кандуре посещающим какое— то благотворительное мероприятие в Дубае... Значит, он уехал, не посчитав нужным хоть как— то оправдать свое поведение... Прошло еще пару дней— и она получила звонок от курьера. Ей передали аккуратный пакет, на котором она без труда узнала официальную голограмму королевской семьи Дубая... В нем не было ни открытки, визитки с подписью, ни извинений. Просто маленький тканевой пакетик, а внутри— жемчужина... Нет, не укра-

шение... Именно одна— единственная маленькая жемчужина... Амаль положила ее на свою руку, поднесла к свету и невольно залюбовалась идеальной формой, нежным и в то же время ослепительным перламутровым свечением... Невинным, нежным, первозданным... Сама не понимая своих действий, она поднесла жемчужину к губам и поцеловала... И на секунду ей показалось, что на ухо ей прошептали таким знакомым чувственным, нежным, но властным и подчиняющим голосом... «Люльки»...

Сессия подошла к концу... Все экзамены были сданы. Впереди почти месяц передышки перед тем, как с последними зимними деньками снова погрузиться в учебный процесс... Вся Сорбонна оживленно гудела, предвкушая легкий непринужденный отдых в барах шумными стайками, неизменно самый проверенный и верный способ сбросить стресс после бессонных ночей и сотен заученных страниц текстов... Обычно в это самое время завязывались новые отношения, или наоборот, разрывались старые...

В тот вечер Амаль собиралась присоединиться к одной из своих институтских компаний, весело провести время в любимом баре. Дома торчать совсем не хотелось, тем более, что Маду уже какую неделю не было в городе... Сначала она улетела в Дамаск — повидать отца и урегулировать какие—то финансовые вопросы с родственниками матери, а потом решила подзависнуть в Швейцарии на одном из курортов, по-

кататься на лыжах с подружками... Амаль подумала об этом и усмехнулась про себя... Она, как никто другой, знала, чем закончится это «катание» сестры...

Девушка уже была почти готова к выходу— все пыталась накрутить непослушные волосы на плойку... У кого— то проблема в том, чтобы выпрямить волосы... У Амаль, как и у матери, они были от рождения идеально прямыми... Зато целой историей было заставить эти идеально прямые, как медовый шелк, пряди хотя бы немного, хоть на кончиках, закрутиться в нежные, легкие локоны, как это сейчас было модно... С одной стороны она более— менее справилась... Зато другая так и не поддавалась неумелым манипуляциям девушки... Услышала нетерпеливый звонок в дверь. Решила, что это Сандра, подруга— однокурсница, живущая по соседству... Плойка все еще в руках, намотала на нее прядь, проверяет руками степень нагрева... Распахивает дверь, не глядя в глазок. И вдруг замирает... Смотрит широко раскрытыми глазами... Палец невольно соскакивает с волос и соприкасается с раскаленной поверхностью стали. Одергивает руку, обжигаясь, и сама дергается...

— Анвар? Ты что... здесь делаешь? — не дышит... на ее лице сотни эмоций... И самое удивительное— отчетливее всего она чувствует свое смятение и раскаяние, разливающиеся краской по щекам... Словно он все знает про нее с Фахдом... Словно в его глазах читается осуждение...

— Пригласишь войти, Аммули? — хрипло усмехается, про-

двигаясь внутрь, не дождавшись ее приглашения, да и не ожидая его, честно говоря...

Глава 4

Анвар

Увидел ее на пороге с этими нелепыми кудрями, каким-то устрашающим бабским агрегатом в руках, и у него голову снесло... Вот такой, естественной, взбудораженной, она была невероятно хороша... Еще более хороша, чем после их последней встречи... В этой самой квартире, в этой самой комнате, куда теперь она побежала, чтобы хоть как-то привести себя в порядок перед неожиданным и таким волнительным гостем... Он помнил свои ощущения здесь, вспоминал ее эмоции, так легко читаемые на юном, неискушенном хитростью и жизненным опытом лице... Сладкие, нежные, наивные и восторженные, немного смешные, до одури возбуждающие и мучительно томительные...

В тот момент, когда Анвар смотрел на эти проклятые фото, подsunутые ему Мадлен, когда увидел губы другого на ее губах, понял, что его увлеченность ею серьезнее, чем он предполагал... А после того, что случилось той ночью... Чуть заметно качнул головой, не хотел это больше вспоминать, не хотел об этом думать вообще... За свою бурную молодость он не раз просыпался в постели с тяжелой головой и без особого настроения продолжать общение с той, кто лежала рядом, но ночь с Маду стала сущим кошмаром... И ведь даже не потому, что не понравилось... Об этой стороне их секса

он старался не думать... Вопрос был в том, что самого этого секса произойти не должно было... Зато произошедшее в тот злосчастный день глобально помогло ему осознать самое главное— он хотел, чтобы именно Амаль была его... Боялся ее упустить... Не желал делить ни с кем... Вмиг в мозгах зародилась одержимость, ранее для него не свойственная... словно проснулся тот глупый неопытный мальчишка из детства, смотревший на взрослую чужую женщину с раболепным обожанием... Теперь он смотрел так на ее дочь — и понимал, что вот она, та, кто ему нужна... Не эфемерный недоступный образ, а эта живая девочка из плоти и крови, которая может ему принадлежать, осталось только руку протянуть... Принадлежать безвозвратно...

Амаль была птичкой, умеющей летать, но все— таки птичкой из клетки... Таких, как она, не выпускали вольно на свободу, ни навсегда, ни на время... Даже ее мнимая независимость в Париже на самом деле тоже была клеткой... Клеткой из устоев, воспитания, формальностей общества, в котором она выросла, ее долга и чести перед семьей... Вопрос ведь был не в том, где географически находилась дочь Увейдатов — клетка прежде всего существовала в ее голове... Амаль всегда знала, что ее судьба подобна реке, текущей между двух берегов. С одной стороны, отчий дом, с другой— ее муж и будущая собственная семья... Только между этих двух берегов она и могла существовать... Третьего было не дано... Третье— конец, смерть, забвение, позор... Ее жизнь могла

быть посвящена только одному мужчине... Да, Амаль была принцессой, обладающей всем на свете, наделенной Богом с такой щедростью, что у других дух захватывало— богатство, положение, красота, ум... вот только в одном ей высшими силами было отказано— в праве на разнообразие... Она была создана только для одного единственного... того, кто станет для нее первым и последним, кому трепетно и бережно передаст ее отец... Вот такая вот странная для большинства свободных девушек Европы парадигма... Так что мешало ему сделать так, чтобы пересадить ее из одной клетки, родительской, в другую, в его... Продумывал свой сумасшедший план и сам про себя смеялся... Скажи ему о таких мыслях еще месяц назад, не поверил бы... А теперь... Теперь все его нутро жгло от одного единственного желания— успеть первым сделать ее своей, забрать себе... окольцевать...

Амаль чувствовала себя смущенно... Ее глаза были где угодно, только не на Анваре... Разговоры какие— то нелепые и суетливые... словно она пыталась компенсировать болтовней висящее в воздухе напряжение... Невероятно смущал его взгляд— такой внимательный и жутко ироничный, словно девушка его забавляла...

— Иди сюда, Аммули,— сказал он ей, похлопав по дивану рядом и перебив на полуслове ее очередной рассказ о дождливой погоде в городе.

Она замолчала, на секунду лицо озарилось тенью то ли

протеста, то ли сомнения, но эти эмоции тут же сменились покорностью. Села на краешек дивана... Глубоко выдохнула...

Анвар усмехнулся. Притянул ее ближе... Погладил нежно по голове, сжал талию... Вдохнул запах ее волос... Прошептал на ухо...

– Соскучился...

Резко придвинулся и впился губами в ее губы... Нахрапом, пожирая... Словно стирая те, другие прикосновения, дыхание и мягкость чужого рта... Его тяжелое рваное дыхание и пульсирующее напряжением возбуждение передалось и ей нервной дрожью... Попыталась отстраниться, но он не дал... Целовал ее, пока сам не насытился, пока не выдохнул так, словно выпил целый стакан холодной воды после приступа дикой жажды...

– Аммули...– шепчет хрипло, – знаешь, почему я здесь?– водит умело по ее телу горячими руками, пробираясь под топ, накрывая пятерней через ткань джинсов ее промежность и сдавливая так, что девушка невольно вскрикивает и отнюдь не от боли,– знаешь?

– Нет– , сдавленно отвечает, еле дыша...

– Потому что хочу тебя дико, Аммули... Все мысли только о тебе... Не могу больше быть от тебя на расстоянии... Хочу тебя навсегда, в свою жизнь... Хочу быть с тобой... А ты, Аммули? Ты хочешь?– говорит, как змей искуситель... Нашептывает на ухо, сладко прикусывая мочку... Резко хватает

за бедра и пересаживает себе на колени, одним движением расстегивает молнию на джинсах, просовывая руку туда, где уже горячо и влажно, А еще так узко... Трется через ткань своим возбуждением, порочно имитируя характерные движения... Невольно стонет от кайфа... Это все должно быть его, должно теперь принадлежать только ему...

На тумбочке рядом разрывается телефон девушки... Снова и снова... Амаль знает, что это ее друзья потеряли... Она уже как полчаса должна была быть в одном из баров Латинского квартала... А она здесь... На нем... С расстегнутыми джинсами и сбившимся дыханием... Голова кружится от смятения и волнения... Ощущение того, что все это происходит не с ней, что она смотрит кино, не проходит...

– Анвар, подожди... – пытается выкрутиться из его рук... Боится, – не так быстро... Я... Мы ведь обсуждали...

– Обсуждали что, малышка? – не обращая внимание на ее взбрыкивание, крепко держит за талию, ритмично и умело двигает рукой в ней, зацепляя клитор так, что она каждый раз прикусывает губу... Диб знал, как сделать девочке хорошо... Слишком много опыта... Что уж говорить о невинной малышке, которая мужской член – то живую еще не видела... – что нужно подождать? А чего ждать? Я хочу тебя, я мужчина... Ты предлагаешь мне думать о тебе и ходить на сторону, пихать свой член в других? Это твой вариант? Готова делить меня с кем – то? Сколько еще будем играть в телефонных извращенцев? Я как только вижу твой вызов, у

меня встает...

– Нет, но...– он ставил ее в тупик, обескураживал... Вот так, сходу, нахрапом... Они ведь и не общались толком последние недели... Она все пыталась с мыслями собраться, нервничала, а тут такое...

– Мы ведь можем быть вместе, малышка... Законно, без преград... Не ждать, пока твой папочка найдет тебе жениха, как твоей сестре... И тебе придется пойти за него безропотно, как овечке на заклание... Мы можем их обставить, обыграть... Поставить перед фактом...

– Что ты имеешь ввиду, Анвар? Как мы поставим из перед фактом? – она предполагала, на что он намекает, но одна только мысль ввергала ее в ужас... по телу мурашки бежали, как же было страшно... Она, любимая дочь Васеля Увейдата, его маленькая принцесса... Разве она была способна вот так вот пойти против воли родителей, против любимого отца... Вот так вот припереть его к стенке...

– Васель может вскипеть, но ненадолго, малышка... Не думай об этом,– словно прочитал ее мысли Анвар,– я завидный жених, Аммули... В Сирии имя моего отца и деда легендарно, возглавляемый мною холдинг один из крупнейших в регионе... Я смогу тебе дать все то, что хотел бы дать сам своей дочери, выдавая ее замуж,– деньги, положение, власть... Но разговор сейчас не о твоём отце, не о вашей семье и даже не о Сирии, храни ее Аллах, разговор о тебе... Я могу дать самое главное, Аммули... Я могу дать тебе

любовь... Мы можем дать это друг другу... Разве это того не стоит?— его пальцы становятся более настырными, более наглыми, а голос еще более сексуально— шершавым... Губы опускаются на шею и собственнически целуют. Ей кажется, что он теперь настолько резок и нетерпелив, что от его поцелуев останутся следы...

— Анвар...— шепчет она, хватая его за руку и выгибаясь. Сама пока не понимает, что с ней происходит... Что это за такая сладкая мука... И в то же время страх, смятение...

— Что, малышка? Только скажи...— и почему ей кажется, что он сейчас улыбается ей в затылок... Рука собственнически накрывает тугую грудь, сжимает сосок... Ей это причиняет дискомфорт и в то же время, от этих грубых и наглых прикосновений простреливает тело...— Скажи, что ты хочешь быть моей...

— И что тогда?— шепчет она... Поворачивает свое лицо к нему... Глаза с расширенными зрачками, влажные... Она вся напряжена, на пределе...

— И тогда я сделаю тебя своей, Аммули...— толкается в нее пальцами, отчего девушке становится больно, а потом ударяет по клитору— и ей уже приятнее... Амаль откидывает голову ему на плечи, пытается расслабиться, сосредоточиться на приятных ощущениях, но страх всё перебивает...

Анвар не дает ей отдышаться... Она чувствует, как он подхватывает ее на руки, несет в спальню, кладет на кровать и умело стягивает с девушки одежду. Холодное покрывало

постели соприкасается с горячей кожей... Ей снова неловко и непривычно, его жадный взгляд оголяет ее до самых нервных окончаний... Голова горит... Разум снова начинает слабо протестовать от его действий... Пока его руки нагло блуждают по ее голому телу, Амаль поворачивает голову набок. Там ее фото с Мадлен. Девушки на какой-то вечеринке, сфотографированы на ходу на пленку Паларойда... Столько в их лицах радости, беззаботности... Столько веселья... Мадлен любит свободу, она самая смелая из всех них в семье, даже смелее Микаэла... тот все равно бесконечно привязан к отцу и зависим от его мнения, хоть сам себе в этом признаться и не может... Только строптивой Маду наплевать на чужое мнение... Это всегда и пугало, и восхищало Амаль в старшей сестре... А потом девушка вдруг вспоминает их последний разговор с ней... Это было неделю назад. Маду звонила из Сирии. Впервые Амаль слышала ее слезы... Боль, смятение... Она рассказывала, что отец нашел ей мужа... Что ее хотят отдать за малознакомого мужика только потому, что тот – выгодная партия, его статус и положение подходят... Сказала, что понятия не имеет, как сможет объяснить всей их семейке и будущему муженьку, что она, мягко говоря, давно не невинна, сказала, что даже подумывает пойти и секретно восстановить девственность операционным путем, дабы избежать жуткого скандала... За их откровенный разговор Маду почему-то много раз повторяла, как ей жаль... Какая она несчастная... Что только она, Амаль, важна для

нее, имеет значение... И меньше всего в жизни она хотела бы сделать больно ей... Амаль тогда списала ее хаотичное блуждание мыслей на стресс и переживания, а еще поняла одно – даже такую свободолюбивую и смелую девушку, как Мадлен, могут заковать в оковы условностей и правил семьи и восточного общества, могут сломать без права на починку...

Она снова посмотрела на Анвара, целующего ее шею и хрипло дышащего... Пусть это будет Он... Тот, кого она знает, в кого была влюблена с самого детства... Она ведь всегда мечтала о Нем, всегда хотела, чтобы с ней рядом был именно Анвар... Сколько раз, обливаясь слезами, она представляла себя с ним – танцующими на своей свадьбе, гуляющими с детьми по Жардан Люксембург, сидящими на семейных ужинах... Ее сомнения сейчас – это просто волнение... Девушки всегда испытывают этот страх в первый раз, разве человеческой натуре не свойственно бояться перемен... Она читала об этом... Все – таки, такое событие в жизни девушки только раз... Все подсознательно боятся потерять девственность как нечто ценное, проводящее водораздел между детством и взрослой жизнью... А еще есть страх перед болью, перед неизвестностью...

Она посмотрела в его глаза, борясь со своим страхом и стыдом, развела ноги, приглашая его в себя... Анвар зарычал, проведя собственнически вдоль ее распахнутых бедер руками...

– Ты действительно хочешь этого? Готова?– спрашивает хрипло, возбужденным голосом... Еле сдерживает нетерпение...

– Да, Анвар... Сделай меня своей... – выдыхает порывисто. Зажмуривает глаза. Ощущает тяжесть его тела на себе... Прикосновение его горячей плоти к своей, а потом – чувствует обжигающую боль...

Глава 5

Оксана и Микаэл

– Нет, Мика, не нужно!– твердо отрезала Оксана, скидывая с плеч привезенную с утра помощником мужчины соболиную шубу с плеч,– я не буду ходить в этом по городу...

Микаэл раздраженно вздохнул. Сколько терпения ему нужно было на эту невозможную женщину, он и не думал никогда, что у него столько его притаилось в запасах...

– Что не устраивает, Оксан?! На улице минус двадцать! Ты собираешься сейчас ехать в больницу в своем тоненьком пальто, в котором даже в Сирии в апреле будет холодно? Мороз на улице! Лютый мороз!

– Я на машине!– огрызвается в ответ.

– Ты будешь выходить из нее и идти по улице, машина не заедет прямиком в палату сестры!

– Да это я выгляжу, как боярыня Морозова с картины! Такая же огромная, внушительная... и неуместная... Это целое состояние, я не хочу, чтобы окружающие думали, что я насосала!– горячо выдала на русском ему.

– Что– что думали? Насосала? в смысле?– не понял значения слова.

Оксана смутилась...

– Ну... кто...– глаза в пол, щеки горят.

Микаэл подходит близко, притягивает к себе.. Улыбается

широко...

– Я понял, не дурак... Бля, Оксана, вот ты сказала это– и мне реально так дико захотелось, чтобы ты пососала...– прижимает к себе так, что она чувствует эрекцию...– может по– быстрому, а? Перед выходом...

– Отстань, Микаэл,– вырывается из его захвата,– мне не до твоих приставаний! Сегодня врач окончательно скажет, возможно ли Марину перевести в Москву и какие прогнозы вообще... Давай закончим дело, а потом уже...– осеклась, снова вспыхнула.

Микаэл еле заметно улыбнулся.

– Ладно, поехали, пока доедем, госпиталь уже откроется.

Оксана бросила взгляд на часы на стене,

– Ой, конечно, поехали! Ты время видел?! Опаздываем!

Не хочу, чтоб Маринка там была один на один с доктором...

Я совсем тут с тобой чувство времени потеряла.

– Не волнуйся, там уже наверняка под окнами дежурит

Ахмад, так что одна она там по– любому не останется...

Пока выходили из дома и садились в арендованный Микаэлом внедорожник, Оксана недовольно и озадаченно покусывала губы, а Микаэлу от одного только взгляда на это зрелище хотелось разложить ее прямо на холодном капоте, развести полы красивой шубы и трахнуть... Или лучше чтобы опустилась в пушистый снег на колени и взяла в рот... Бля, как это заводило... Сначала дикий холод, от которого член бы скрутился, а потом тепло ее сладкого рта... И как

ей шла эта шуба... Какой же она все— таки была по— царски красивой, королевой, созданной для роскошных вещей.. А ему жадно хотелось, чтобы ходила в этой роскоши только перед ним, на голое тело, только ему чтобы любоваться этой красотой... Как же невероятно бесили взгляды чужих глаз на ней...

— Кто такой этот Ахмад, и почему он все время крутится вокруг Марины, Мик?— спросила она, наконец.

Так вот что так ее озадачило,— подумал он.

— Это мой родственник. Учится на последнем курсе Московского университета. Толковый пацан. Решает для меня вопросы по России, если что нужно... Семья хочет видеть его в политике, но мне кажется, малой — толковый и деятельный, а не политикан. Захочет ко мне, с удовольствием возьму... Может быть, и тут оставлю его, в Москве... Мне как раз подумалось, что пора бы и на вашу страну накинуть свои бизнес— сети...

Как только Оксана рассказала Микаэлу, зачем ей экстренно нужно вылетать на родину и что ситуация с сестрой, мягко говоря, непростая, Микаэл сразу позвонил Ахмаду. Как ни крути, их переезд из Дамаска занимал более половины дня, а вопрос, возможно, был экстренный. Парень сорвался из столицы во Владимир, на ходу созваниваясь с нужными людьми и раздавая указания. Таким образом, когда они, наконец, добрались до сестры Оксаны, та уже была определена в vip— палату, получала лучшее лечение и ее вопросом

занимались дистанционно и немецкие доктора... По факту на этом работа Ахмада должна была завершиться, Микаэл его отпустил, вот только парень под разными предлогами— логичными и не очень— все время продолжал крутиться вокруг Марины... Микаэл видел, как он смотрел на бледную девушку, прикованную к коляске... И этот взгляд был ему знаком... Жгучие черные глаза молодого Ахмада одновременно пылали страстью и нежностью, жалостью и восхищением... Он был влюблен в эту красивую и такую несчастную, но в то же время не унывающую и удивительно чистую девушку... Да, она была как нежный утренний цветочек, которого даже сорвать и перенести в вазу было нельзя— он бы сразу погиб, пожух, словно белый выюнок. Ничего не видела никогда, кроме больниц, уколов и капельниц, всю жизнь под крылом матери, всю жизнь с мыслями о том, что завтрашний день— последний.... Была в ней одновременно и естественная скромность, и детская наивность, но и мудрость какая— то... Просветление что ли... Когда человек не боится смерти и каждый день смотрит ей в лицо, он меняется... Становится словно выше нас всех, обычных, напуганных до чертиков, слабых и малодушных... Микаэл видел это все, понимал, что интерес Ахмада искренний... Парень влюблен, и не мешал ему... Мог одним взмахом руки заставить его гнать на всех парах обратно в Москву, но не делал этого... Завтра они уедут, а он останется... Этой хрупкой, по— настоящему красивой девочке, так похожей на его Оксану, толь-

ко словно нарисованной пастельными красками, нужно было рядом крепкое мужское плечо... А там— кто знает... Врачи ведь обещают, что девочка сможет жить обычной жизнью... Оксана и сама видела интерес симпатичного молодого араба к своей сестре. Нервно поджимала губы, но молчала... Умная... Мыслила в том же направлении, что и Мика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.